РАЗДЕЛ I. ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНКУРСНЫХ СИСТЕМ В РОССИИ

Борис Григорьевич Юдин
доктор философских наук,
член-корреспондент РАН,
Институт философии РАН,
гл. ред. журнала «Человек»,
byudin@yandex.ru

ЧТО ДАЕТ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ КОНКУРСНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ?

В этих заметках я намереваюсь описать и осмыслить свой опыт взаимодействия с двумя отечественными фондами, финансирующими научные исследования, — Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом. В этом взаимодействии мне приходится выполнять различные роли — и соискателя, готовящего заявку, и неудачника, получившего отказ, и, в случае, когда заявка выигрывала конкурс, грантодержателя, проводящего исследование и отчитывающегося перед фондом, и эксперта, оценивающего заявки коллег, и, наконец, члена (и даже председателя) одного из экспертных советов. Важно, конечно, иметь в виду, что мой опыт — это опыт гуманитария, которому для проведения исследований не требуется ни дорогостоящего оборудования, ни каких-либо специальных препаратов.

В начале 90-х ни у меня, ни у моих коллег опыта конкурсной поддержки научных исследований не было вовсе — о ней все мы знали разве что понаслышке. Соответственно с ее появлением мы оказались в совершенно новой ситуации, когда открылась возможность получать такую поддержку вне зависимости от того, как относится к тебе администрация твоего научного или образовательного учреждения, от воли (или произвола) научной бюрократии. Конечно, меру этой независимости не стоит преувеличивать — в распоряжении администрации всегда были и остаются самые разнообразные рычаги воздействия; тем не менее, теперь выяснилось, что исследователь может, минуя администрацию, не только получать финансовую и вообще материальную поддержку своего проекта, но и самостоятельно определять проблематику, которой он будет заниматься.

К слову сказать, размеры грантов, выделяемых РФФИ и РГНФ, всегда были довольно-таки скромными. Тем не менее, в начале и середине 90-х гг., на фоне мизерного, мягко говоря, бюджетного финансирования научных учреждений, они сыграли заметную роль в физическом выживании тех, кто связал свою судьбу с отечественной наукой. Вместе с тем, довольно быстрыми темпами возрастала *символическая зна-*

чимость этих грантов. Победа, завоеванная в условиях жесткой конкуренции, — это свидетельство того, что данный исследователь или исследовательский коллектив пользуется авторитетом не просто тех двух-трех экспертов, которые непосредственно рецензируют его заявку, но и дисциплинарного научного сообщества в целом. И, как когда-то было показано Р. Мертоном, такой авторитет, в свою очередь, выступает как своего рода символический капитал, который увеличивает возможности данного соискателя на получение поддержки его последующих проектов.

Известной долей самостоятельности в определении тематики собственных исследователей научный сотрудник обладал и ранее — ссылаясь опять же на собственный опыт, могу сказать, что и в советские времена процесс планирования предстоящих исследований начинался «снизу», с предложений, которые исходили от самих же научных сотрудников. И очень часто коррективы, вносимые на последующих уровнях, бывали минимальными, поскольку вышестоящее руководство не имело ни возможностей, ни желания проводить соответствующую экспертизу. Но с появлением конкурсной системы финансирования такая экспертиза, во-первых, стала обязательной нормой, необходимой стадией процесса подготовки исследования и, во-вторых, — что особенно важно, — ее проводит само научное сообщество, которое в этом отношении обретает автономию, известную степень независимости от формальной иерархии научных учреждений. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, сколь важную роль в эффективной работе фондов имеет достаточно жесткое следование четко установленным процедурам. По моим наблюдениям, основной источник сбоев — это отсутствие фиксированных сроков поступления финансовых средств, что вызывает немалые затруднения в планировании и организации работы над проектами. Но причина этих сбоев, как известно, находится за пределами компетенции руководства фондов…

Хотелось бы, далее, обратить внимание на то обстоятельство, что сама по себе деятельность фондов порождает, помимо всем очевидных конкурсных результатов, и еще один весьма значимый продукт, который еще предстоит научиться грамотно использовать. Речь идет о том, что экспертиза, которая систематически, из года в год осуществляется силами пользующихся признанием среди коллег представителей научного сообщества, дает возможность выявлять и анализировать не просто отдельные предпочтения отдельных экспертов, но и суммарный результат множества сделанных всеми ими выборов. А этот результат есть не что иное, как совокупность текущих исследовательских приоритетов, определяемых самым квалифицированным и компетентным судьей — научным сообществом, теми, кто непосредственно работает на переднем крае науки.

Разумеется, для того чтобы сделать эти интегральные оценки работающим инструментом, необходимо приложить немало усилий и методологического, и теоретического характера. Нельзя не учитывать и того, что в целом формирование государственной научной политики, включая выстраивание исследовательских приоритетов, — это в современных условиях задача не только научного сообщества, поскольку

такая политика должна учитывать широкий спектр адресованных науке запросов общества. Эффективная научная политика предполагает определение баланса между этими запросами, с одной стороны, и тем, что считает перспективным, актуальным и достижимым научное сообщество, — с другой.

За время, прошедшее с начала 90-х, предпринималось множество попыток реформирования, обычно самого радикального, отечественной науки. Не входя здесь в детальное обсуждение этих реформ, замечу лишь, что, к счастью для нашей науки, проводились они непоследовательно, так что каждая новая волна реформаторских усилий накатывалась на предыдущую, а в целом это вело лишь к усилению хаоса. А, как мы знаем из синергетики, жизненный хаос нередко бывает более продуктивным, чем мертвящий порядок.

По моему твердому убеждению, создание РФФИ и РГНФ стало и до сих пор остается единственным безусловно положительным результатом всех многолетних реформаторских замыслов. Представляется, что одна из главных причин успеха заключается в следующем: в данном случае здание конкурсной поддержки исследований возводилось на специально создаваемом новом фундаменте, а не, как это нередко предпочитают делать реформаторы, путем разрушения существующих структур.

Важно, что финансирование исследований, осуществляемое через фонды, стало не альтернативой, а дополнением к тому базовому финансированию, которое научные учреждения и, в конечном счете, исследователи получают непосредственно из бюджета. Вообще опыт начала 90-х гг. был показателен в том смысле, что научные работники оказались перед жесткой необходимостью самостоятельно изыскивать источники финансовой поддержки не только своих исследований, но и собственного существования. Последнее, между прочим, нередко оказывалось возможным только за счет того, что приходилось либо отказываться от проведения исследований во имя других, более выгодных видов заработка, либо «фабриковать» такие исследовательские результаты, которые были бы благосклонно приняты заказчиком.

В этой ситуации появление системы конкурсного финансирования исследований оказалось ключевым фактором в сохранении отечественного научного потенциала. Как поддержание исследовательской мотивации, так и само проведение исследований во многом оказались возможными именно благодаря появлению этого нового механизма планирования, финансирования и оценки научных исследований.

Следует отметить, что конкурсное финансирование исследовательских, образовательных и научно-издательских проектов в конце 80-х — начале 90-х гг. во многом осуществлялось за счет зарубежных фондов, таких, как Фонд Форда, Фонд Макартуров и др. Особую роль сыграли фонды, которые поддерживались Дж. Соросом. Сегодня у нас стало нормой оценивать деятельность этих и других аналогичных зарубежных фондов крайне негативно. А между тем на рубеже 80-х— 90-х гг. Дж. Сорос, на мой взгляд, сделал для сохранения нашей науки больше, чем все тогдашнее российское руководство. Я помню, как в начале 1992 г., когда цены были отпущены и среднемесячная зарплата

доктора наук в РАН была на уровне 20 долларов США, Фонд Сороса в массовом порядке раздавал нашим ученым-гуманитариям единовременные гранты в объеме 500 долларов.

Впоследствии, правда, мне довелось читать и слышать (со ссылкой якобы на данные российских спецслужб), будто те деньги, которые Сорос потратил на эти гранты, он окупил многократно, завладев едва ли не всеми современными достижениями российской гуманитарной мысли. Замечу в этой связи, что саму мысль о том, будто подобным образом вообще можно заработать хоть какие-то деньги и будто выдающийся финансовый магнат Сорос был настолько наивен, чтобы соблазниться таким источником дохода, нельзя охарактеризовать иначе, чем бред. Могу добавить также, что ни от самого меня, ни от тех моих коллег, которые получили тогда этот грант, вообще не требовалось представлять ни какие бы то ни было свои публикации, ни даже их список.

И еще одно замечание в этой связи. В последнее время едва ли не любое исследование, которое финансируется зарубежным фондом, оценивается как диверсия, направленная против интересов России. Даже если не принимать во внимание возможность того, что далеко не все живущие за границей и, в частности, далеко не все те, кто так или иначе причастен к финансовой поддержке исследований, заведомо являются неприятелями России, все же следует быть абсолютно невежественным в том, как, за что и по каким основаниям присуждаются исследовательские гранты, чтобы высказывать подобные суждения.

Вообще-то говоря, если руководствоваться здравым смыслом, то выигрыш отечественным исследователем зарубежного гранта стоило бы оценивать совершенно иначе — как серьезный успех представителя российской науки, как показатель ее мирового уровня и мирового признания. И надо обладать каким-то воистину холуйским сознанием, воспринимая при этом и всех других в качестве не более чем холуев, чтобы считать, будто каждый исследователь, выполняющий проект по гранту — отечественному ли, зарубежному, получает от грантодателя какое-то предписание о том, к каким именно результатам должно прийти его исследование.

Насколько я понимаю, далеко не всем представителям научной бюрократии нравится система, поддерживающая финансовые потоки, которые направлены на поддержку исследований и в то же время не подконтрольны им. Поэтому с момента возникновения конкурсной системы финансирования деятельность научных фондов была объектом весьма пристального и далеко не всегда благожелательного внимания различных проверяющих инстанций. В некоторых случаях эти проверки обнаруживали те или иные огрехи в работе фондов, что, вообще говоря, неудивительно, учитывая то, что создавались эти организации на пустом месте. Хуже то, что порой такие проверки приводили к серьезному и, на мой взгляд, неоправданному усложнению отчетности и ограничивали возможности маневра у руководителя проекта. Характерно, однако, что ни одна из многочисленных проверок, насколько я знаю, не выявила серьезных финансовых нарушений.

Принципиальным мне представляется то обстоятельство, что за прошедшие годы фонды расширили круг своих функций. По сути дела

они выступают в современной российской науке в роли института независимой экспертизы. Помимо выполнения своих, так сказать, традиционных обязанностей — проведения конкурсов инициативных, издательских, экспедиционных и т. п. проектов, — они выступают также в качестве контрагентов при организации совместных проектов, ориентированных на регионы России, на страны СНГ, на международное сотрудничество с ведущими в научном отношении странами мира.

Все это значит, что институт независимой научной экспертизы сегодня востребован. В современном обществе этот институт становится все более значимым, и я считаю, что экспертиза научно-исследовательских проектов — лишь полигон, на котором он возникает и оттачивается.

Сферы же его применения, на мой взгляд, попросту безграничны. Сегодня мы, увы, являемся свидетелями того, как часто наиболее важные и ответственные решения в процессе их реализации демонстрируют полнейшую несостоятельность. Одна из главных причин — в том, что нынешняя социальная и человеческая реальность обладает чрезвычайной сложностью, в соотнесении с которой келейно вырабатываемые решения оказываются совершенно неадекватными. Между тем поиск адекватных механизмов и форм принятия ответственных решений — это большая самостоятельная проблема, всю значимость которой только еще предстоит осознать.

Очевидно, проводимая систематически, т. е. институционально закрепленная независимая экспертиза должна являться необходимой составной частью процесса выработки обоснованных решений в самых разных областях жизни общества. Ключевую роль при этом играет *независимость* экспертизы — ведь экспертные заключения, призванные всего лишь одобрить заранее принятое решение, несут больше вреда, чем пользы. Таким образом, само по себе формирование института независимой экспертизы, демонстрацию того факта, что она может не только существовать, но еще и быть эффективной, следует считать весомым достижением, которому мы обязаны фондам, осуществляющим конкурсную поддержку научно-исследовательской деятельности.

И еще одно замечание. Вполне отдавая себе отчет в том, что в работе фондов далеко не все обстоит гладко, что прошедшие годы высветили немало проблем, я, тем не менее, хотел бы констатировать, что на сегодня они представляют собой самый объективный из всех существующих в нашей науке механизмов оценки научной деятельности. И это особенно важно, поскольку в восприятии и государственных структур, и общественного мнения наука сегодня выступает по сути дела лишь в одной-единственной роли — роли поставщика новых, коммерчески привлекательных технологий. В таких условиях особую ценность приобретает сама возможность получать финансирование исследований независимо от их потенциальной прибыльности. И именно такую возможность предоставляют научные фонды. А это значит, что они выступают в роли хранителя традиционных ценностей науки, таких, как стремление к получению нового, достоверного и обоснованного знания, ее, если угодно, этоса. По сути дела именно на фонды ложится сегодня значительная часть ответственности за сохранение научного потенциала страны.